

Стенограмма
Круглого стола «Реформирование экономики в период социально-экономического кризиса: опыт Перестройки и современность»
14 мая 2015 года

«Китайский путь» к позднему СССР был неприложим».

Александр Аузан, доктор экономических наук, профессор (МГУ им. Ломоносова)

Я буду говорить о соотношении экономических и политических реформ. Начну с того, о чем уже упоминалось, - с китайского опыта. Когда мне говорят, что Китай показывал другую возможность нашего развития, я отвечаю, что Китай показывает картину нашего лучшего прошлого, а не нашего лучшего будущего.

Представьте себе, что на Политбюро ЦК ВКП(б) в 1929 году победили правые большевики: Угланов, Томский, Рыков, Бухарин. И пошла ситцевая индустриализация: обогащайтесь и прочее, прочее. Это же китайский вариант. Он оттуда и взят. Но он годится для той фазы развития, когда есть большая деревня, когда есть огромный ресурс дешевой рабочей силы, когда идет экстенсивное развитие промышленного производства и т.д. и т.д. Мы эту фазу исчерпали в 50-е годы. Поэтому какой в этом смысле опыт Китая? Китай входил в фазу, которая у нас была уже позади, за нашими плечами. Да, китайцы в известном смысле улучшили ее по сравнению с нами.

Юрий Сергеевич Осипов обращает внимание на то, что большевизм в принципе не создал механизма политической преемственности. Причем он объясняет это тем, что идеологически 20-ые годы были революцией во всем, в том числе, развивалась евгеника: то есть, зачем механизм преемственности, если товарищ Ленин будет оживлен, а товарищ Сталин будет жить вечно, 200 лет будет жить?..

Китайцы, притом что жизнь Мау пытались продлить насколько это было возможно, механизм преемственности создали. И он очень хорошо работает. Это один из факторов сочетания политических и экономических

реформ. Поэтому китайская революция не про нас. Точнее, она - про наше прошлое, это другая картина нашего прошлого, а не нашего будущего.

Поэтому в нашем случае неверно, что можно было начать реформы не с политики, а с экономики, и тогда якобы прошел бы китайский вариант под контролем Коммунистической партии и все было бы хорошо... Китай сейчас подошел к фазе, на мой взгляд, в которую СССР вошел в 60-е годы. Сейчас у Китая будет испытание, потому что он должен теперь проложить дорогу, которую не сумел проложить СССР. Перед Китаем встают вопросы: как быть с интенсификацией, с созданием инвестиционного сектора, которого пока нет в Китае. Зато уже есть ловушка среднего дохода. Уже есть дорогая рабочая сила и т.д. и т.д.

Так или иначе, «китайский путь» к позднему СССР был неприложим.

Теперь о вариантах, о модели, которая была реализована после перестройки. Шоковая терапия – правильный ли путь? Шоковые реформы, и хорош ли полученный результат? У меня есть подозрение, что дело не только в политическом кризисе 1993.

В результате реформ мы получили несомненный экономический сдвиг, очень серьезный, с либерализацией и т.д. и т.д. Мы получили очень серьезный результат в смысле ухода от дефицита.

12 марта этого года в Форбсе я опубликовал статью под названием [«30-летие антидефицитной революции»](#). Я считаю, что смысл того, что происходило, был крах дефицитной экономики. Это не была либеральная революция. Но реформы были крайне успешными с точки зрения преобразования дефицитной экономики. В России было построено общество потребления. Общество потребления состоялось. Произошла успешная антидефицитная революция.

Но вопрос в другом. Мне кажется, есть гораздо более интересный вопрос, который мы обсуждаем, - о соотношении экономических и политических реформ. Хочу обратить ваше внимание, что в экономических реформах были предпосылки для регресса в политике. Я все время повторяю,

что при переходе к рынку в шоковых реформах вопрос о налогах был решен очень причудливо...

Что такое выход из государственной экономики? В советской экономике понятно, откуда брался ресурс на общественное благо. Государственные организации, государственные предприятия – доход от них обращается, продукт и т.д. и т.д. Если вы ушли из этой системы, то как вы покрываете общественное благо? Как вы поддерживаете бесплатное образование и здравоохранение? Как вы это все делаете? - С помощью налогов. Но обратите внимание, что ни одна сила - ни антикоммунистический президент, ни коммунистическая оппозиция - этот вопрос не ставили. Его не было в политической борьбе. Потому что нельзя сказать своим избирателям, что на них вынуждены возложить налоговую нагрузку, раз они хотят бесплатное образование и здравоохранение. Ни одна политическая сила не решалась это сказать. По существу, произошел сговор по умолчанию - вопрос о налогах не был поставлен. Были введены косвенные налоги, не ощутимые для населения. Мы сейчас страна с уровнем налогообложения, как в Европе. У нас 48% реального дохода в налоги уходят. Только у нас население об этом не знает в отличие от населения Европы.

Дальше наступают политические последствия.

Если вы разорвали связку между налогами и общественными благами, то выходит популист (мы даже знаем его фамилию) и говорит: я вам дам все. И никто его не спрашивает: а откуда это все возьмется, кто будет платить? Следующими на сцене появляются обеспокоенные богатеи, которые говорят: он нам сейчас все перепортит. Лучше синица в руке. Будем покупать за небольшие деньги голоса, чтобы все не разбалансировалось. Начинается использование денег в избирательной кампании.

Третьим появляется власть и говорит: сейчас самая богатая группа купит всё, сделает свой парламент, сформирует свое правительство, изберет своего президента, установит контроль в стране. Мы начинаем

корректировать избирательную систему. Это же логично. Вся последовательность прошла.

Поэтому мы вступили в цепочку политического регресса, по существу с неизбежностью, в рамках той экономической реформы, которая была проведена как постперестроечная реформа.

Мы и сейчас находимся в этой ситуации. Она не решена. Я об этом говорил с Председателем правительства, я говорил с министрами экономического блока. Они вроде бы кивают и вроде бы соглашаются. У нас не будут работать никакие политические институты. Потому что смысл политической конкуренции - это вопрос о том, какие общественные блага производит государство и кто за них платит. В этом различие либералов, консерваторов, социал-демократов, коммунистов и т.д. Этот вопрос у нас не присутствует в повестке дня.

Можно ли это считать исторической ошибкой? Я не знаю. Потому что реальность политической конкуренции, острой и настоящей, не позволяла ни одной силе поставить этот вопрос. Потому что сила, которая поставила бы этот вопрос публично, сразу проиграла бы.

Я веду вот к какому, может быть, странному выводу. Мы ведь не единственная страна, которая пыталась осуществлять трансформации. Да, такого масштаба трансформации, как переход от дефицитной экономики к обществу потребления, ни одна страна не решала. Потому что страны Восточной Европы не имели той остроты дефицита. Внутри СССР ни одна республика не имела такой остроты дефицита, как Россия. Там были свои способы смягчения. В этом смысле мы уникальны.

Но в целом трансформационный процесс изучался. И хочу напомнить, что были разные гипотезы. Модернизационная гипотеза, гипотеза развития Липсета. Были идеи – через экономику входить, через политику входить. Я напоминаю, что последние десять лет эконометрические расчеты показали, что и идея модернизации через экономический рост, и идея модернизации

через демократизацию не подтверждены. Они опровергнуты. Нет входа в трансформацию через эти процессы.

По демократизации, кстати, есть очень интересные выводы, к которым одновременно пришли исследователи по обе стороны океана.

Демократизация дает прямые положительные последствия только при условии наличия так называемого сильного правопорядка работающих институтов. А если слабые институты – она дает отрицательные последствия. Мы это и получили в России. Мы это сейчас можем наблюдать в Египте. Это одна из самых преуспевающих стран. Сейчас они полную реставрацию произвели, потому что страна экономически погибала. Еще не известно, смогут ли они восстановить экономику. Причем они восстановили все запреты: братьев мусульман, маршала в виде президента. Все восстановили, практически, как при Мубараке.

Демократизация при плохих институтах дает плохие, иногда катастрофические экономические последствия. Но значит ли это, что можно построить институты? Это большой вопрос. Это очень тяжелый вопрос.

Когда программа «500 дней» появилась в первоначальном радикальном варианте, я позвонил одному из авторов программы – это Леонид Маркович Григорьев и говорю: Леонид, у вас тут такая задача стоит, как инвентаризация всего имущества СССР. Говорю: а у вас вся программа на 500 дней, а это на первый этап. Вы на две недели хотите сделать инвентаризацию всего имущества СССР? Сначала приватизировать без инвентаризации можно. Но там же инвентаризация стояла. Инвентаризацию вы за сколько времени хотите провести? Он отвечает: это же политический документ, что ты придираешься?

Я это говорю к тому, что вариант с созданием институтов, которые бы как институциональный экономист должен горячо поддерживать, - это очень тяжелый вариант. Потому что в нем есть то, что требует многолетней работы. Хотя есть то, что решается моментально. Когда Егор Гайдар в спорах уже про российскую экономику лет десять тому назад мне сказал: мы же не

можем рассчитывать, что институты будут преобразованы быстро, я говорил: знаешь, Егор, было такое правительство, которое называли правительство Гайдара. Указ о свободе торговли, который был подготовлен этим правительством, произвел институциональные преобразования моментально, просто в течение суток. Поэтому есть преобразования, которые требуют три-четыре года. Например, судебную систему можно создать за три-четыре года. А свободу торговли можно за неделю, по крайней мере, наладить.

Итак, если мы смотрим на это холодным взглядом исследователя, то и тут выхода нет. То есть смотрите, что получается. Я соглашаюсь с тем, что политическая либерализация, которая была осуществлена Михаилом Сергеевичем Горбачевым и перестроечным руководством, была исключительно важным шагом, как ни странно, в антидефицитной революции. Потому что первая свобода выбора, которая была предоставлена и которую могла предоставить власть, - это свобода выбора литературы, газет. Я считаю, что это на три года отложило следующую фазу. Потому что страна «ела» информацию, включая высококачественную художественную...

Это называлось гласность. Но то, что происходило в экономике, вообще то, что творило правительство Рыжкова, - это, конечно, поразительно. Главное – меня до сих пор удивляет, почему Николай Иванович Рыжков – такой уважаемый член парламента, что ему даже не задают вопросов, как он накрутил такие долги Советскому Союзу. И главное – куда это все девалось. Ведь даже не разворовали. Нет. Просто разбазарили. Потрясающе неэффективное правительство. Его надо показывать как образец: как можно, подняв огромные кредитные ресурсы для страны, отправить их в никуда... Это неудача просто индивидуального выбора премьера, неправильной экономической политики правительства – не знаю. Соглашаюсь с тем, что система институтов и групп интересов была вполне реальная. Горбачев вообще, на мой взгляд, непрерывным серфингом занимался, не имея большинства – ни справа, ни слева. Было маневрирование. Потому что, как можно было сказать: давайте проведем

радикальные реформы, - когда есть мощнейшие группы интересов, которые свернут эти реформы за одну ночь...

Подытоживая, хочу сказать следующее. У меня ощущение, что на сегодняшний день мы должны признать: нет рецепта, который мы задним числом могли бы предложить: надо бы идти вот так, скажем, от экономики к политике или от политики к экономике, или от права к экономике и политике. Можно предположить - и это проверяется сейчас несколькими исследовательскими школами - что надо идти не от политики, не от экономики, не от права. Надо идти от культуры. Она движется, правда, очень медленно.

Когда-то я задал Николаю Петровичу Шмелеву вопрос: «Николай Петрович, наша страна прочла в конце 80-х годов такую прекрасную литературу, просто великолепную. Причем не просто прочла, а обсудила. Миллионы людей читали и обсуждали. Куда это все подевалось? Почему через двадцать лет это не чувствуется никак?» Ответ Шмелева был резким. Он сказал: «Саша, вы прямо в больное бьете».

Сейчас я стою на позиции, скорее, культурной эволюции. На позиции сочетания политических, институциональных, экономических воздействий в связи и с учетом эволюции ценностей и поведенческих установок.